

ПРОЛОГ

— Глеб, какого хрена-то? — возмущается Сашка, глядя на меня злыми глазами. В них все: и разочарование, и осуждение, и потухшая надежда. Короче, как обычно. Ничего нового или интересного.

Даже бокал виски в руках старшего брата не вводит в заблуждение. Александр Лисовецкий всегда все держит под контролем, и спиртное — это не способ расслабиться, это попытка расслабить собеседника. Только на меня его уловки давно не действуют. И его это дико злит, а меня забавляет.

— Ты же знаешь, я против реставрации старого крыла, — лениво отвечаю, размазывая янтарную жидкость по дну бокала. Пить я сегодня не собираюсь. У меня другие планы на вечер. Но знаю: попытка создать в бокале волну бесит брата. Поэтому раз за

разом взбалтываю виски. — Я об этом сказал еще две недели назад.

— Глеб, оно разваливается! Нельзя оставлять как есть. Все же это часть жилого дома, а не отдельно взятое строение. И ты в меньшинстве. Родители дали добро, Макс сказал...

— Макс на все говорит «мне пох», родители так не говорят, но думают. Какое им дело до старого загородного поместья, если последний раз они были тут три года назад? Да они в Россию-то приезжали на прошлый Новый год. А тебе лишь бы залезть своими руками везде и упорядочить. Мне нравится старая часть дома. Она нам не нужна, ею никто не пользуется, на фиг что-то менять?

— И именно поэтому ты тупо заплатил нанятому реставратору в два раза больше, чем он заработал бы, лишь за то, чтобы он отказался от объекта и уехал? — раздраженно бросает брат, наконец-то дойдя до сути нашего конфликта.

— Да, — пожимаю плечами, с наслаждением наблюдая за тем, как Сашка бесится. Даже у его сына Никиты не получается его разозлить и вывести на эмоции. А я могу и буду, потому что против того, чтобы кто-то лез и перекраивал единственное место в этом долбаном доме, с которым у меня связаны хорошие воспоминания.

— Ты — мудак, — замечает брат.

— Не спорю, но я и следующего реставратора подкуплю.

— Я найду такого, кто любит работу больше денег.

«Более того, ты уже нашел. Но и тут я непременно все испорчу», — с удовлетворением думаю я, но не собираюсь посвящать брата в то, что мне давно все известно. Александр Лисовецкий непобедим в своем стремлении упорядочить все вокруг и вместе с тем до задницы предсказуем. И только я вношу в его жизнь задорное разнообразие.

— Ха-ха, — говорю я и выхожу из тошнотворно пафосного кабинета, отделанного красным дубом.

Хрен тебе, братец, а не реставратор. Должно же в этом доме остаться хоть что-то мое. В конце концов, он принадлежит не только тебе, но и мне на треть. И если Макс, нашему младшенькому, в целом все равно, что творится, как он выражается, «в деревне», то я буду стоять на своем до конца. Я не хочу получить безжизненное место, которое станет таким же скучным, как все, к чему ты прикладываешь руку.

ГЛАВА 1

Лица

— Чулки надень! — командует Наташка, которая стоит спиной и наводит ревизию в шкафу, но, видимо, слишком хорошо меня знает.

— Нат, там октябрь, я не хочу морозить жопу.

— Ты скучная, — припечатывает подруга и поворачивается лицом. — Не порти вечер мужику, который захочет тебя трахнуть. Вдруг страсть застанет вас прямо сегодня, например, в туалете клуба?

— Наташа, — устало заявляю я, — за пять лет в университете я ни разу не спала ни с кем в туалете клуба. Тьфу! Да и вообще в туалете! С чего бы мне начинать делать это после окончания? Тебе не кажется, что это уже как-то несолидно?

— Это исключительно потому, что ты встречалась с пингвином.

— Он не пингвин, — привычно огрызаюсь я.

— Ага. Он просто долбодятел — птичка такая. Скучная птичка долбодятел, которая вдруг улетела к какой-то дятлихе.

— Не хочу об этом.

— Замечательно, я тоже не хочу. Надень чулки и стринги. Отмороженная жопа — это не такая большая жертва, если на кону невероятный секс. Ну, Лик, тебе двадцать три, ты имеешь право на все это.

— Я имею право на отмороженную задницу? Прекрасно! А могу я этим правом не воспользоваться?

— Ты имеешь право на шикарный секс, которого у тебя не было с твоим пингвином.

— У меня был секс.

— Видишь, ты даже не можешь соврать, что шикарный. — Я морщусь, потому что Наташка безобразно права, а она продолжает: — Я нашла тебе платье, надень кружевные трусы и чулки. Мы поедем на такси, твоя жопа останется цела. Зато если ты встретишь клевого мужика, ты не сможешь себе сказать: «Я не буду с ним спать, так как у меня колготки перетягивают талию и под ними неэротичные хлопковые труселя в горох».

— Ты ведь не отстанешь? — вздыхаю я, прекрасно понимая, что даже если встречу клевого мужика, то ни за что не буду с ним спать прямо сегодня. Никогда так не делала, да мне и не предлагали. Видимо, у меня на лице крупными буквами написано «Ловить нечего».

— Конечно, не отстану.

Иногда Наташке проще дать настоять на своем, чем объяснить, почему нет. Об этом думаю спустя два часа за стойкой бара в одном из пафосных ночных клубов. Сюда меня тоже притащила Наташка. На вопрос: «Почему сюда?» подруга только загадочно улыбается. А вопрос актуален. В этом клубе она уже несколько лет работает администратором и всегда следует простому правилу — не пей на рабочем месте, даже если не твоя смена.

— Ты вступаешь в новую жизнь, и я очень желаю тебе в ней секса.

— Нет бы денег, — мрачно бормочу я.

— Ты будешь работать с Лисовецкими. Деньги у тебя будут.

— Хочется верить.

— А сегодня расслабься. Дорогой клуб — дорогие мужики. И никаких пингвинов. Хоть и не в моих правилах отдыхать тут, но зато я могу гарантировать тебе клевых представителей противоположного пола. Глав-

ное... — Она многозначительно молчит, прежде чем продолжить: — Не жди от веселого времяпровождения любви на всю жизнь. Алкоголь, танцы и секс с мужиком, от которого сносит крышу. Снесло крышу — значит, не отказывайся от секса.

— Я так не могу, Наташ! — вспыхиваю сразу же.

— Ну, дорогая, надо когда-то учиться. Ты взрослая девочка, а взрослым девочкам жизненно необходим секс.

Наташка убегает через десять минут. Она не зря сюда не приезжает. Потому что на работе работа подругу находит всегда. Вот и сегодня к ней подходит девочка-официантка в слезах, Наташка взмахивает руками, извиняется передо мной и сматывается решать чьи-то проблемы. В этом она вся. Но я не могу сказать, что сильно расстроена. Тут действительно хорошо — и музыка, и интерьер... А с самой собой мне не скучно.

Сажу у стойки уже час. Медленно цежу через трубочку коктейль и в целом чувствую себя хорошо. Как обычно. Ко мне подкатывали уже три раза, но... вот это пресловутое «но» со мной уже почти год после того, как от меня ушел Игорь. «Обычный пингвин», как называет его Наташка. И ей все равно, что с этим «пингином» я с шестнадцати лет, я и не знаю, как бывает по-другому. Он

был для меня всем. Очень привычным и родным «всем». Другие мужчины вызывают исключительно недоумение. Они чужие, непонятные. Мне не близки их разговоры, а намеки будят не желание, а лишь заставляют сжиматься под сальными взглядами. Наверное, я какая-то не такая. Наташка это знает, и чулки, которые она заставляет надевать раз за разом, не изменят ничего. Ну не умею я так.

Мои походы в клуб все как под копирку. Я выпиваю три коктейля, смотрю на целующиеся парочки и ухожу домой. Без Наташки, потому что у нее-то как раз проблем с парнями и весельем нет. Я бы и рада потерять голову, но что делать, если не от кого?

Сегодня я пью уже второй коктейль. По спине пробегают мурашки, щекотное ощущение чьего-то взгляда. Я медленно оборачиваюсь и обращаю внимание на мужчину на соседнем стуле. Первое, что бросается в глаза — это чашка кофе, которую сжимают сильные руки. Невольно скольжу взглядом выше — кожаная куртка нараспашку, под ней черная майка с треугольным вырезом и сильная шея. Упрямый подбородок и едва заметная улыбка на четко очерченных губах. Первый мужчина, за которого я зацепилась взглядом сама. Это необычно.

Невольно хочется улыбнуться в ответ. Темноволосый, с пронзительными синими глазами, он, безусловно, притягивает взгляд. Сразу видно — уверенный и знающий себе цену хищник. Никогда не любила таких. Точнее, на подобных мужиков залипаешь на фоточках в «Инсте», а в жизни они проходят мимо и не замечают тебя. А если и замечают, то их разговоры и ожидания — все оказывается глубоко непонятным и странным. Они считают, что женщина должна сразу упасть перед ними ниц с кастрюлей борща и в одних кружевных трусах только потому, что мачо изволил обратить на нее внимание, поэтому я стараюсь не смотреть на него слишком пристально и возвращаюсь к своему коктейлю, хотя от пронзительного взгляда по телу разливается жар. Впервые я чувствую то, о чем говорила Наташка — импульс, который очень сложно игнорировать. От него кровь начинает бежать быстрее по венам. Как ни пытаюсь игнорировать, все равно чувствую спиной обжигающий взгляд и нервничаю. Наверное, стоит уйти.

Мужчина не делает попыток познакомиться, он просто нервирует меня своим присутствием и пьет кофе. Вот кто пьет кофе в клубе?

Я снова оборачиваюсь к нему и разглядываю из-под опущенных ресниц. Красив. Про-

сто до неприличия красив. Он ловит мой взгляд и лениво и хищно улыбается в ответ. Щеки вспыхивают, и короткое красное платье кажется чересчур откровенным. Хочется замотаться в плед и сбежать.

— Ты любишь скорость? — внезапно спрашивает незнакомец низким, хриплым голосом, от которого по спине пробегают мурашки. Вот так просто, не представившись, не узнав, хочу ли я общаться. Короткий вопрос, на который невозможно не дать ответ.

— Допустим... — осторожно отзываюсь я, отставив бокал в сторону, и заинтересованно смотрю в синие, сводящие с ума глаза.

— Тут скучно. Поехали кататься. Тебе понравится.

— Ты серьезно? — Я усмехаюсь и немного отворачиваюсь. А в ушах звенит голос Наташки. Он там спорит со здравым смыслом.

— Вполне, — лениво и спокойно, будто мое согласие уже у него в кармане, отвечает он.

— С чего бы мне с тобой ехать? Я ведь тебя даже не знаю.

— Ну давай познакомимся. Я — Глеб.

— То, что я теперь знаю твое имя, ничего не меняет. Ты по-прежнему для меня незнакомец.

— Зато я трезв. Для ночных покатушек — это самое важное условие, — невозмутимо приводит он очередной аргумент.

— Ага. Трезв, — хмыкаю я. — А еще, может быть, маньяк.

— Согласись, от этого только интереснее, — тихо произносит он и подходит ко мне. Я даже не замечаю, как он делает шаг, сокращая расстояние между нами. Его движения плавные, грациозные, словно двигается большая черная кошка. В ноздри ударяет легкий древесный запах с нотками бергамота. Маньяк так точно пахнуть не может. От близости кружится голова, а ведь он даже ничего не делает. Не смотрит сальным взглядом, не пытается погладить по обнаженному плечу, просто улыбается, а у меня уже напрягаются соски. Так не бывает. Не может желание вспыхнуть лишь от одной едва заметной улыбки и пары слов.

Он протягивает мне руку, и я, поколебавшись, ее принимаю, все еще не веря в реальность происходящего.

Когда он ведет меня к выходу из клуба, в голове сумбур. Дикая я смесь страха, желания и адреналина. Я никогда в жизни не делала ничего подобного, никогда не действовала импульсивно. Так почему же согласилась ехать непонятно куда с первым встречным

